
ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, МИФ

PHILOSOPHY, RELIGION, MYTH

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 1 (471). С. 14–21.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(1(471):14-21. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 130.12

doi: 10.47475/1994-2796-2023-10102

ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИЙ «ЖИЗНЕННЫЙ МИР» И «ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ» В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Александр Юрьевич Внутских¹ ✉, Михаил Николаевич Сухогозув²

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия, avnut@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0003-4162-1033

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, 6509ms@gmail.com, ORCID ID: 0000-0003-4793-556X

Аннотация. Рассматриваются сущность, тенденции развития обыденного и теоретического сознания, их соотношение в контексте глобального кризиса современного общества. Авторы полагают, что одним из важных факторов, сдерживающих преодоление этого кризиса, являются деформации обыденного и теоретического сознания и их отношения. Эти деформации отражаются метафизически как в менторской модели взаимодействия теоретического и обыденного сознания, характерной для эпохи Просвещения, так и в концепциях таких представителей континентальной философии XX в., как Э. Гуссерль и М. Хайдеггер. Так, Гуссерль вводит понятие «жизненный мир» (Lebenswelt), который поглощает теоретическое сознание, лишает его автономии. Однако результатом такого поглощения оказывается отнюдь не преодоление кризиса классической науки, а превращение общественного сознания в целом в «das Man» Хайдеггера. Авторы полагают, что необходима выработка и практическая реализация диалектической модели взаимодействия теоретического и обыденного сознания. Она подразумевает, с одной стороны, онаучивание обыденного сознания в форматах популяризации науки и гражданской науки, а с другой — подчинение теоретического сознания общественным, а не элитарным или узкокорпоративным интересам.

Ключевые слова: общественный кризис, обыденное сознание, теоретическое сознание, жизненный мир, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, диалектика

Для цитирования: Внутских А. Ю., Сухогозув М. Н. Потенциал категорий «жизненный мир» и «обыденное сознание» в теоретическом отражении актуальных общественных процессов // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 1 (471). С. 14–21. doi: 10.47475/1994-2796-2023-10102

Original article

THE POTENTIAL OF THE CATEGORIES “LIFEWORLD” AND “EVERYDAY CONSCIOUSNESS” IN THE THEORETICAL REFLECTION OF THE CONTEMPORARY SOCIAL PROCESSES

Alexander Y. Vnutskikh¹ ✉, Mikhail N. Sukhoguzov²

¹ Perm State University; Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia, avnut@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0003-4162-1033

² Perm State University, Perm, Russia, 6509ms@gmail.com, ORCID ID: 0000-0003-4793-556X

Abstract. The authors research the essence and trends of theoretical and everyday consciousness development, and their interaction in contemporary society. One of important factors which condition crisis of contemporary society is the deformation of everyday consciousness and theoretical consciousness and their interaction. These deforma-

© Внутских А. Ю., Сухогозув М. Н., 2023

tions are reflected metaphysically both in the model of interaction between theoretical and ordinary consciousness that was characteristic of the Enlightenment, and in the concepts of great representatives of continental philosophy (E. Husserl and M. Heidegger). Thus, Husserl introduces the concept “Lifeworld” (Lebenswelt) that absorbs theoretical consciousness and deprives its autonomy. However, the result of the absorption is transformation of social consciousness as a whole into Heidegger’s “das Man”. The authors believe that a dialectical model of interaction between theoretical and everyday consciousness should be developed and implemented in practice. It implies the development of ordinary consciousness in the formats of popularization of science and citizen science on the one hand, and the subordination of theoretical consciousness to public interests on the other hand.

Keywords: social crisis, everyday consciousness, theoretical consciousness, the lifeworld, E. Husserl, M. Heidegger, dialectics

For citation: Vnutskikh AY, Sukhoguzov MN. The potential of the categories “Lifeworld” and “Everyday Consciousness” in the theoretical reflection of the contemporary social processes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(1(471):14-21. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-10102

Введение

Общеизвестным сегодня является тезис о кризисе цивилизации. Кризис же, на взгляд авторов, можно определить как ситуацию, в которой ни мыслить, ни действовать по-старому уже невозможно, а новые способы мышления и деятельности по какой-то причине не реализуются.

Современный общественный кризис — кризис многоаспектный. Это кризис экономический, который, начавшись в конце первого десятилетия XXI в. (предпосылки же его начали складываться, вероятно, ещё за 20 лет до того), по мнению многих экспертов, так и не продемонстрировал завершения и фазы роста — по крайней мере в масштабах мировой экономики в целом [12].

Это кризис экологический, который уже вынудил одного из создателей концепции «устойчивого развития» Д. Медоуза заявить о невозможности реализации такого типа развития в современном обществе [8] — не случайно «попытки снизить потребление энергетических ресурсов, даже после подписания в 2015 г. Парижского соглашения по климату, признаны неэффективными» [2, с. 16].

Это и перешедший несколько лет назад в активную фазу кризис геополитический. О неизбежном начале этого кризиса неоднократно предупреждал один из классиков американской социологии И. Валлерстайн [3]. Центр капиталистической «мир-системы» смещается в Юго-Восточную Азию. Кризис этот выражается во всё более углубляющихся противоречиях между странами «ядра» и странами «полупериферии», во взаимной эскалации локальных военных конфликтов по всему земному шару, в начале создания де-факто альтернативной ООН структуры — ШОС и т. д.

Возникает вопрос: достаточно ли усилий представителей технократических элит — носите-

лей теоретического сознания и общественных масс — носителей обыденного сознания в их современном состоянии, для разрешения или хотя бы смягчения этого многоаспектного кризиса? Скорее всего, нет, поскольку радикального изменения способа мышления и деятельности в последние десятилетия, прошедшие под знаком «рыночного фундаментализма», демонтажа социального государства, усиления атомизации и деполитизации социума, не наблюдалось: действительно, «если тип мышления, присущий нам до сих пор, привёл к планетарному кризису... вряд ли он поможет нам преодолеть этот кризис» [2, с. 15]. Гипотеза нашего исследования состоит в том, что не только объективные обстоятельства современной социальной реальности, но и особенности её осмысления как теоретиками, так и широкой общественностью в настоящее время приводят к углублению этого кризиса в силу метафизического (одностороннего, не диалектического) характера такого осмысления. Если это действительно так, то в осмыслении сущности и соотношения уровней современного общественного сознания следует, скорее, исходить из диалектической методологии.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили тексты российских и зарубежных исследователей, изучающих сущность и соотношение обыденного и теоретического сознания, а также использующих категорию «жизненный мир». В качестве базового метода исследования выступает материалистическая диалектика в понимании общественных процессов и уровней общественного сознания.

Результаты и обсуждение

Согласно материалистическому пониманию общества и истории, общественное сознание, как

совокупность идей общества, в конечном счёте, отражает общественное бытие. Однако отражение это, в свою очередь, реализует активное обратное воздействие на общественное бытие. Например, идеи экономически господствующего класса становятся руководством для материальной деятельности масс. И действительно, с возникновением антагонистического общества, обозначившего «раскол» человеческой сущности и начало борьбы социальных классов, решение общественных проблем становится делом элит. Причём характерно, что уже начиная с эпохи древневосточных царств такого рода решения обосновываются сакральными по форме, но достаточно рациональными по содержанию концепциями преднауки.

Затем, начиная с эпохи Просвещения и классической науки доминирующей становится мысль о необходимости научного, теоретического обоснования решения общественных проблем. Однако «научно обеспеченный» разум, как свидетельствуют факты развития кризисного общества XX–XXI вв., оказался неспособным эти проблемы эффективно решать. Наука всё более отчуждалась и противопоставлялась человеку. А это не могло не приводить к росту антисциентизма и иррационализма в общественном сознании. Разум всё чаще объявлялся «репрессивным» началом, «логоцентризм» подвергался анафеме, в первую очередь в трудах крупнейших представителей континентальной философии.

Однако нужно помнить, что *разум является неотъемлемой стороной человеческой сущности*. Поэтому отказ от разума может привести и реально приводит к дегуманизации, отказу от самого человека, как от якобы «устаревшего концепта», и вместе с тем к утрате субъектности нашими современниками. Эти факты и схватываются в концепциях, например, постструктуралистов. Впрочем, «бессилие» научной рациональности можно объяснить и иначе: вполне возможно, что этот кризис связан не с «врождёнными дефектами» разума как такового, а с тем, что человеческая сущность и человеческий труд в эпоху индустриального капитализма (как будто бы рационально устроенного, но постоянно приводящего к иррациональным следствиям) остаются разделёнными. Расколота социальная реальность порождает расколотое сознание, которое оказывается неспособным ни адекватно интерпретировать кризисные явления, ни способствовать их преодолению.

Соответственно, с одной стороны, наука (особенно социальная и гуманитарная) перестаёт

быть непредвзятым поиском истины, реализующим в том числе критическую функцию: производство знания оказывается включённым в воспроизводство экономических отношений и подчинено целям внешним по отношению к научным [6, с. 23]. Формируется ситуация, в которой «сами интеллектуалы являются частью этой системы власти, да и сама идея, что они служат носителями «совести» или «сознания» и дискурса, также является частью этой системы» [10, с. 68].

С другой стороны, массы населения сознают не только ограниченность каждого конкретного этапа развития науки, что, конечно, так и есть, но и её всепоглощающую «коммерциализацию», её несоответствие собственному понятию. На этом основании отвергается научный дискурс в принципе, включая упомянутый критический его аспект, и потому теряется шанс выработать и реализовать сколько-нибудь позитивную программу общественных изменений. В итоге «господство логики рынка толкает нас в пучину апатии» [2, с. 345].

Таким образом, *следует констатировать кризис не только общественного бытия, но и общественного сознания*: в его современном состоянии оно оказывается неспособным предложить альтернативные кризисным модели общественного развития и способы их достижения [2, с. 32]. Упомянутая «апатия», охватившая общественное сознание, его неспособность выступить инструментом общественных преобразований уже давно фиксируется исследователями. Например, Карл Полани ещё в 1947 г. писал: «когда в обществе воцаряется логика прибыли и рыночное мышление, социальное воображение демонстрирует признаки усталости» [13]. А Марк Фишер уже в начале XXI в. констатировал «широко распространённое ощущение не только того, что капитализм является единственной жизнеспособной политической и экономической системой, но и того, что теперь невозможно даже вообразить непротиворечивую альтернативу ему». Причём Фишер проводил здесь *психиатрическую* аналогию: ведь такой «реализм» аналогичен дефляционной позиции депрессивного больного, который считает, что любое позитивное состояние, любая надежда — это опасная иллюзия» [9, с. 18].

В осмыслении этих фактов исходить, по видимому, следует из того, что существует *сложная диалектическая связь кризиса общественного бытия с кризисом общественного сознания*. Но понимать эту связь, разумеется, можно по-разному. С позиций материалистического пони-

мания истории, детерминирующая роль, в конечном счёте, принадлежит общественному бытию, однако общественное сознание активно — в непосредственном плане, на уровне ценностей, осознаваемых целей оно даже первично. Поэтому кризисное состояние общественного сознания является важным фактором, обуславливающим кризис общественного бытия: с позиций системного подхода можно сказать, что одно усиливает другое согласно принципу «положительной» обратной связи.

Далее, материалистическое понимание истории исходит из того, что общественное сознание неоднородно, оно разделяется на два уровня: теоретическое сознание и обыденное сознание. Следовательно, для более конкретного понимания кризиса общественного сознания с этих позиций необходимо проанализировать различные типы взаимодействия теоретического и обыденного сознания, реализованные в ходе общественного развития.

Действительно, взаимосвязь теоретического и обыденного сознания существенно трансформируется с возникновением классической науки и началом проекта Просвещения. Начинается «совершеннолетие человечества», по справедливому замечанию И. Канта. Но этот процесс интеллектуального «возмужания» — очень сложный и нелинейный. И можно выделить три этапа развития представлений о соотношении уровней общественного сознания в его рамках.

Первый вариант понимания взаимодействия теоретического и обыденного сознания в период XVII — начала XIX в. — это период классической науки, первого позитивизма и порождённого им сциентизма, который может быть обозначен как *менторская модель классической науки*. Он представляет собой первую итерацию проекта Просвещения. Практическое применение теоретического знания делает это знание самостоятельной силой — «знание есть сила само по себе», подчёркивал Ф. Бэкон (“Knowledge is power itself”). Формируется идеал онаучивания всех элементов общественного сознания. Считается, что, как только сознание элит и масс станет в полной мере просвещённым, будут автоматически решены все общественные проблемы, поскольку человек, знающий благодаря теоретической науке все самые отдалённые последствия своих действий, не будет совершать злых дел. Соответственно учёный выступает во взаимодействии с просвещаемым им обществом с менторской позиции [1]. Однако известно, что эта программа не была

реализована и в итоге способствовала упомянутым кризисам и катастрофам XX–XXI вв. Выяснилось, что в этих общественных условиях разум вполне может иметь узко эгоистическую направленность и результат его применения может иметь тяжелейшие последствия для общества, начиная с разрушительного применением научного знания в войнах и заканчивая приватизацией теоретического сознания политическими и бизнес-элитами. Этот этап можно считать метафизическим (противоположным принципам диалектики) — и в силу доминирования односторонней связи от теоретического сознания науки к сознанию общества, и в силу его в существенной степени тупикового результата — вне зависимости от добрых побуждений представителей научного сообщества классического периода.

Второй вариант понимания взаимодействия этих уровней общественного сознания может быть обозначен как *модель антисциентистской критики*, первые признаки которой появляются ещё в XIX в. и усиливаются в XX в., после Первой и особенно после Второй мировых войн. Формулируется тезис о крахе проекта Просвещения, об «обездушивании» человека, лишении его жизненной силы теоретическими конструктами науки. В существенной мере эта критика науки и техники (как практического приложения науки) обосновывается Э. Гуссерлем, говорящим о «кризисе европейских наук». Именно Гуссерль вводит категорию «жизненный мир», что маркирует не только смещение интереса учёных к исследованию «повседневности», но и «обмирщение» научного сознания вообще. Последнее, вполне в духе концепции И. Канта критического периода, считается неспособным обоснованно претендовать на особую доказательность и исключительность. Что же такое жизненный мир? Это «единственный действительный мир» [5, с. 49]; «действительный конкретный окружающий мир (Umwelt), в котором мы живём, почва и горизонт и теоретической, и внетеоретической практики». Например, исторический жизненный мир греков — это «не объективный мир в нашем смысле, а их представление о мире, т. е. их собственная субъективная значимость со всеми действительностями, имеющими для них значение, напр., с богами, демонами и т. д.» [5, с. 317].

Введённый классической наукой так называемый «объективно-научный мир» (читай — теоретическое сознание) признаётся Гуссерлем фактически как «частная тема» жизненного мира (фактически — обыденного сознания в марксистской

традиции). Точнее, «конкретный жизненный мир в одно и то же время образует почву, в которой коренится «научно истинный» мир, и объемлет в себе этот мир в своей собственной универсальной конкретности». Именно потому *сами понятия теоретического и обыденного сознания* последователями Гуссерля *не используются*. Более того, излишней оказывается даже категория общественного сознания, поскольку на его место Гуссерль де-факто ставит жизненный мир (то есть сознание обыденное). Ведь жизненный мир «естественным образом заранее дан всем нам как отдельным лицам в горизонте нашей сочеловечности, то есть в каждом актуальном контакте с другими как “этот” мир, общий нам всем. Поэтому он... образует постоянную почву значимости, всегда готовый источник само собой разумеющегося, которым мы без лишних разговоров пользуемся и как практические деятели, и как учёные». Для такого использования и следует осуществить феноменологическую редукцию — «эпохэ в отношении всех объективных теоретических интересов, всех целей и действий, которые свойственны нам как объективным учёным».

В результате осуществляется перенос фокуса познания на «проблему способа бытия жизненного мира», для которой, по словам Гуссерля, характерны «величие» и «универсальность». Для этого следует «целиком и полностью стать на почву этого просто созерцаемого мира, оставить вне игры все объективно-научные мнения... чтобы затем во всеобщем аспекте обдумать, какие “научные” задачи, то есть задачи, которые должны быть решены как общезначимые, встают в отношении его собственного способа бытия» — и тем самым превращают объективную, отчуждённую от человека науку в науку подлинно человеческую, то есть науку о «жизненном мире» человека. Более того, по Гуссерлю «очевидности» жизненного мира обладают «более высоким достоинством в обосновании познания в сравнении с достоинством объективно-логических очевидностей» академической европейской науки. Как следствие, «проблема “объективно истинного” мира и соответственно объективно-логической науки... представляется... проблемой вторичного и более специального интереса». Она отнюдь не снимается диалектически — скорее, она полностью теряет универсальный характер, который ей придавали со времён Просвещения.

На наш взгляд, такая постановка проблемы Э. Гуссерлем содержит в себе существенное гуманистическое содержание. Действительно, на-

ука, как и все прочие сферы современной общественной жизни, остро нуждается в «очеловечивании» — таком, подчеркнём, которое не будет чревато необоснованным утверждением о человеческой исключительности, о якобы полной автономии человека, его «вырванности» из всеобщей связи вещей (антропоцентризм). Однако возникает вопрос: насколько правомерна в рамках феноменологической логики попытка придать проблеме бытия жизненного мира статус универсальной проблемы? Насколько в принципе может считаться универсальным подход, в рамках которого фактически игнорируется связь новейшей науки с её предшествующими этапами и в ущерб общему делается столь выраженный акцент на совокупности единичных феноменов, постулированных в качестве «первичной реальности»? И не потому ли программа обновления европейской науки как универсальной, предложенная Э. Гуссерлем, — конечно, если не считать «героизмом разума» его самоликвидацию в постструктурализме — так и не была реализована? И не потому ли ученики Гуссерля — например, М. Хайдеггер — продолжая критику классической науки, в существенной мере утратили определённую их учителем гуманистическую перспективу развития науки?

Действительно, М. Хайдеггер усиливает обозначенный Гуссерлем разрыв между философией и наукой, по сути, переходя на радикально анти-сциентистскую позицию. Хайдеггер утверждает, что «наука не мыслит» [11]. Концепция Хайдеггера подразумевает в качестве идеала пассивное, созерцательное отношение человека к миру (бытию). Действительно, «вслушивание в бытие», наверное, может помочь *осознать* масштаб поразившего общество кризиса, его смысла для человеческого существования. Но едва ли оно способно помочь *практически преодолеть* кризис, который имеет объективный характер. При этом Хайдеггер сводит всю науку в целом к науке классического типа — тогда как классический тип научной рациональности представляет собой только момент в развитии науки, обусловленный, кстати, определёнными общественными отношениями [7]. И именно в силу этих особенностей своей исследовательской оптики Хайдеггер не может зафиксировать позитивные тенденции развития современной науки, например, её *антропологизацию*, включая антропологизацию наук естественных [4].

Итак, Э. Гуссерль совершает попытку восстановить человеческое в его правах в науке, защи-

тив его от поглощения научным объективизмом. Фактически он указывает на необходимость отхода от менторской модели просвещения: научное сознание, по Гуссерлю, должно потерять свою автономию и поглотиться стихией «жизненного мира». Однако этот вариант связи сторон общественного сознания, как свидетельствует практика XX и XXI вв., не приводит к решению глобальных проблем и стабилизации общественной жизни. Да это, наверное, и невозможно в рамках программы, постулирующей акцент на единичном и возвращение к «изначальному опытному миру», то есть к изначальному миру простого допонятийного восприятия, «дотеоретического созерцания»; и сводящей понятия и методы «объективных наук» к очевидностям жизненного мира [5, с. 36]. А М. Хайдеггер уже и не считает нужным человеческое защищать — для него оно представляет собой безличного «человека вообще», «das Man».

Таким образом, мы видим движение мысли от тезиса Просвещения, постулирующего доминирование теоретического уровня общественно-го сознания, к антитезису крупнейших представителей континентальной философии, постулирующих поглощённость теоретического сознания обыденным. Показательно, что эта модель вполне допускает приватизацию науки современными элитами: ведь если зазора между теоретическим и обыденным сознанием нет, то первое, лишаясь своей автономии, теперь может выступать только в качестве инструмента современной практики, которая постулируется как «лучшая из возможных», как безальтернативная. Сведённое до роли такого инструмента теоретическое сознание способно только «нормализовать» кризис, но отнюдь не способствовать его преодолению. Опыт свидетельствует, что обе модели — и Просвещения и критики теоретического сознания — носят метафизический характер, и их практическая реализация приводит лишь к деградации как обыденного, так и теоретического сознания и в итоге — к усугублению кризиса социальной реальности.

В интересах формирования конструктивной программы преодоления этого кризиса, по видимому, необходимо, с одной стороны, различение теоретического и обыденного сознания, признание известной автономии каждого из этих начал, но, с другой стороны, модель их взаимодействия должна быть по сути диалектической. И в этом отношении важен опыт марксистской философии, разделяющей категории обыденного и теоретического сознания и вместе с тем допу-

скающей как онаучивание первого, так и служение подлинным общественным интересам второго.

Получается, что речь может идти о *возобновлении проекта Просвещения — но одновременно о преодолении заявивших о себе его очевидных ограниченностей*. Взаимная обусловленность теоретического и обыденного сознания подразумевает как онаучивание обыденного сознания в форматах, например, популяризации науки и гражданской науки, так и подчинение теоретического сознания общественным, а не элитарным или узкокорпоративным интересам. Возможно, смягчения проявлений общественного кризиса можно добиться на пути формирования нового единства теоретического и обыденного сознания и в существующих общественных реалиях. Впрочем, на наш взгляд, в полной мере возможность снятия их современной метафизической противопоставленности — как теоретической, так и практической — может быть реализована только с формированием принципиально нового типа социальной реальности, связанной со становлением всеобщего (научного) труда.

Заключение

Итак, из опыта развития представлений о соотношении теоретического и обыденного сознания мы можем извлечь несколько уроков.

Первый урок — это урок реализации менторской модели Просвещения и позитивизма. Ведь Просвещение в существенной мере достигло своей цели, по крайней мере в развитых странах. Однако выяснилось, что ни знание законов природы и общества, ни наличие нескольких высших образований и экспертов-учёных высшего уровня не спасает современного человека ни от манипуляций, ни от занятий оккультизмом, ни от разрушающего природу и перспективы общественного прогресса поведения.

Второй урок — это урок реализации антициентистской критики. Разрабатывая концепт «жизненного мира», Э. Гуссерль стремится вернуть науке «человеческое измерение», утраченное в ходе экспансии «научного объективизма», но делает он это ценой поглощения теоретического сознания жизненным миром. А если теоретическое сознание перестаёт воздействовать на обыденное как его противоположность, стоит ли удивляться, что последнее начинает совершенно некритически принимать образцы мышления и поведения, продуцируемые маркетинговой машиной развитого индустриального общества,

превращаясь в «das Man» М. Хайдеггера? Поэтому, на наш взгляд, категория «жизненный мир», принятая в мейнстриме современной континентальной философии, в силу метафизического характера подхода, в рамках которого она вызревает, не даёт возможность адекватно объяснить проявления общественного кризиса и, главное,

предложить конструктивную программу его преодоления. Необходимо по-новому взглянуть на категории теоретического и обыденного сознания, потенциал которых, на взгляд авторов, ещё далеко не исчерпан, и найти новые, более перспективные формы их взаимодействия.

Список источников

1. Абрамов Р. Н., Кожанов А. А. Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. 2015. № 2. С. 45–59.
2. Бинчик Э. Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 390 с.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 304 с.
4. Внутских А. Ю. «Глобальный антропный принцип» современного естествознания и интерпретация смысла человеческого бытия // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Социология. Психология. 2012. № 1. С. 4–9.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
6. Кошовец О. Б., Фролов И. Э. «Прекрасный новый мир»: о трансформации науки в технонауку // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 1. С. 20–31.
7. Михайловский А. В. Что даёт концепция истины Мартина Хайдеггера для понимания познания и политики // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-daet-kontseptsiya-istiny-martina-haydeggera-dlya-ponimaniya-poznaniya-i-politiki/viewer> (дата обращения: 18.01.2023)
8. Тарасова Н. Деннис Медоуз: «Устойчивого развития достичь не удастся... И пора задуматься о том, как жить в фазе упадка, а не роста» // Naked Science. 2022. URL: <https://naked-science.ru/article/interview/ustojchivogo-razvitiya-dostich-ne-udastsyaupadka-a-ne-rosta> (дата обращения: 19.01.2023)
9. Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. 144 с.
10. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1 // Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002. С. 66–80.
11. Хайдеггер М. Что зовётся мышлением? М.: Территория будущего, 2006. 320 с.
12. Чень В., Мркач М., Набар М. Долгосрочные последствия: восстановление мировой экономики спустя десять лет после кризиса // ImfBlog. 2018. 3 окт. URL: <https://www.imf.org/external/russian/np/blog/2018/100318r.pdf> (дата обращения: 18.01.2023).
13. Polanyi K. Our obsolete market mentality. Civilization must find a new thought pattern // Commentary. 1947. Vol. 3. P. 109–117.

References

1. Abramov RN, Kozhanov AA. Konceptualizaciya fenomena Popular Science: modeli vzaimodejstviya nauki, obshchestva i media [Conceptualizing Popular Science: Models of Interaction between Science, Society, and the Media]. *Sociologiya nauki i tekhnologij = Sociology of Science & Technology*. 2015;(2):45-59. (In Russ.).
2. Binchik EN. Ehpoha cheloveka: ritorika i apatiya antropocena [The Age of Man: Rhetoric and Apathy of the Anthropocene]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2022. 390 p. (In Russ.).
3. Wallerstein I. Mirosistemnyj analiz: vvedenie [World-Systems Analysis: An Introduction]. Moscow: Terri-toriya budushchego; 2006. 304 p. (In Russ.).
4. Vnutskih AYu. Global'nyj antropnyj princip sovremennogo estestvoznaniya i interpretaciya smysla che-lovecheskogo bytiya [The global anthropic principle of modern natural science and the interpretation of the meaning of human existence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Psihologiya = Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. 2012;(1):4-9. (In Russ.).
5. Husserl E. Krizis evropejskikh nauk i transcendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ.; 2004. 400 p. (In Russ.).

6. Koshovec OB, Frolov IEh. Prekrasnyj novyj mir o transformacii nauki v tekhnonauku [A Beautiful New World: On the Transformation of Science into Technoscience]. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*. 2020;(1):20-31. (In Russ.).

7. Mihajlovskij AV. Chto daet koncepciya istiny Martina Khajdeggera dlya ponimaniya poznaniya i politiki [What Martin Heidegger's concept of truth offers for understanding cognition and politics]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Philosophy. Journal of The Higher School of Economics*. 2022. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-daet-kontseptsiya-istiny-martina-haydeggera-dlya-ponimaniya-poznaniya-i-politiki/viewer> (accessed: 18 January 2023) (In Russ.).

8. Tarasova N. Dennis L. Meadows: Ustojchivogo razvitiya dostich' ne udastsYA... I pora zadumat'sya o tom, kak zhit' v faze upadka, a ne rosta [Dennis L. Meadows: Sustainable development will not be achieved ... And it is time to think about how to live in a phase of decline rather than growth]. *Naked Science*. 2022. Available from: <https://naked-science.ru/article/interview/ustojchivogo-razvitiya-dostich-ne-udastsyaupadka-a-ne-rosta> (accessed: 19 January 2023). (In Russ.).

9. Fischer M. Kapitalisticheskij realism [Capitalist Realism]. Moscow: Ultracultura 2.0; 2010. 144 p.

10. Foucault M. Intellektualy i vlast'. Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Chast' 1 [Intellectuals and Power. Selected political articles, speeches and interviews. Part 1]. Intellectuals and Power. Moscow: Praxis; 2002. P. 66–80. (In Russ.).

11. Heidegger M. Chto zovetsya myshleniem? [What is called thinking?]. Moscow: Territoriya budushchego; 2006. 320 p. (In Russ.).

12. Chen' V., Mrkach M., Nabar M. Dolgosrochnye posledstviya: vosstanovlenie mirovoj ehkonomiki spustya desyat' let posle krizisa [The Long-Term Consequences: The Recovery of the World Economy Ten Years After the Crisis]. *ImfBlog*. 2018. Available from: <https://www.imf.org/external/russian/np/blog/2018/100318r.pdf> (accessed: 18 January 2023). (In Russ.).

13. Polanyi K. Our obsolete market mentality. Civilization must find a new thought pattern. *Commentary*. 1947;3:109-117.

Информация об авторах

А. Ю. Внутских — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ПГНИУ, кафедры философии и права ПНИПУ.

М. Н. Сухогузov — аспирант кафедры философии.

Information about the authors

A. Y. Vnutskikh — Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University.

M. N. Sukhoguzov — Postgraduate Student of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 06.02.2023; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.